

УДК 94(477.75)«1942–1944»

ХЕРСОНЕССКИЙ МУЗЕЙ В ГОДЫ ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

ШАМСУТДИНОВА В.Ш.

Филиал МГУ в г. Севастополе

*В том далеке, исчезнувшем навечно,
Война в дома вползала как змея...
Увы, как много крови человеческой
Впитала эта серая земля!*

В.В.Лапин

Вторая мировая война привела к гибели огромного количества художественных и исторических памятников на территории оккупированных стран, и в частности, Советского Союза. Из всех европейских стран Советский Союз оказался в числе наиболее пострадавших в этом отношении: разрушены 430 музеев из 991, 44 библиотеки, разграблены дома-музеи, уничтожены бесценные архитектурные памятники, огромное количество культурных сокровищ вывезено в Германию или просто раскрадено.

На начало 1941 г. в Крымской АССР функционировало 25 музеев, из которых в Севастополе находились следующие: Херсонесский историко-археологический музей, Панорама обороны Севастополя 1854-1855 гг., Севастопольская картинная галерея, музей фауны и флоры Черного моря, музей Революции [1; 9, л. 52].

22 июня 1941 г. мирная жизнь Херсонесского музея была прервана нападением фашистской Германии. И уже на третий день войны во двор музея упала 500-килограммовая бомба [14], которая сильно повредила музейные помещения. Как написал в своем отчете научный сотрудник музея С.Ф. Стржелецкий, это была единственная бомба, упавшая в Херсонес до сентября 1941 года: в последний день немецкого штурма Севастополя несколько снарядов сильно повредили не только музейные здания, но и собор Св. Владимира [3, л. 35].

Сотрудники музея с первых дней войны понимали, что необходимо было срочно принять меры по охране памятников, зданий и эвакуации фондов и архива. Самые ценные и важные экспонаты стали готовить к эвакуации и упаковывать в ящики. Когда не хватало ящиков, использовали извлеченные из подвалов старые монастырские сундуки, окованные железом [5, л. 5]. Их ремонтировали и упаковывали в них вещи из фондов. Работать было крайне опасно, ведь фашисты считали территорию Херсонеса важным военным объектом и нещадно ее бомбили с первых же дней войны. Но большинство сотрудников музея, говоря словами Гарсиа Лорки, *«не расплескали душу в смертной чаше»*, оставались верны Херсонесу и бескорыстно, самоотверженно, подчас до последнего дыхания, трудились во имя спасения древнего города.

Основных экспонатов, вместо указанных по разнарядке об эвакуации трех тонн, набралось восемь. В 108 ящиках. Их них: научный архив (отчеты о раскопках, рукописи научных работ и т.п.) – 3 ящика, фотоархив (более 7 тысяч единиц хранения) – 20 ящиков, библиотека (3579 книг) – 34 ящика, экспонаты Херсонеса из экспозиции и фондов (1298 предметов) – 51 ящик.

Следует отметить, что, несмотря на непрекращающиеся бомбежки и работы по эвакуации экспонатов, музей не прекращал работу. В основном, велась просветительная работа с военнослужащими частей, расположенных вблизи Херсонеса. Сотрудники музея организовали 3 выставки: «Били, бьем и будем бить», «Героическое прошлое русского народа» и выставка с осколками снарядов, мин, образцами и частями парашютов, сбрасываемых вражескими бомбардировщиками [5, л. 7]. Не прекращались в это военное лето экскурсии по городищу Херсонеса, помогавшие бойцам оценить значение культурных ценностей Родины, которую они защищали.

Директором музея в то время был Иван Данилович Максименко. Хотя в июле он был призван на политработу в штаб армии (как бывший чекист и комиссар бригады в гражданскую войну) и формально не имел отношения к музею, он почти ежедневно навещался в Херсонес и, по существу, продолжал им руководить. Во время его отсутствия обязанности директора исполнял Р.Б. Ахмеров.

К началу войны штат музея состоял из 43 человек, 4 из них в первые же дни войны записались добровольцами в ряды Красной Армии: научные сотрудники – В.П. Лисин, С.Ф. Стржелецкий, экскурсовод М.С. Рыбальченко, реставратор С.М. Литвак. Но для С.Ф. Стржелецкого судьба приготовила иное испытание, ведь именно ему было поручено сопровождать музейные ценности в г. Свердловск.

Станислав Францевич Стржелецкий родился 26 сентября 1910 г. в Севастополе. Интерес и любовь к археологии проявился у него в раннем возрасте: в 1926 г. он принимал участие в работах археологических экспедиций АН СССР и Херсонесского музея на Эски-Кермене и Мангуп-Кале под руководством научных сотрудников Государственной Академии Истории материальной культуры.

С 1938 г. Стржелецкий работал старшим научным сотрудником Государственного Херсонесского музея. Работая в музее археологом-архитектором, он проводил раскопки и исследования в Херсонесе, на Гераклеяском полуострове, в Инкермане. Результатом этих раскопок впоследствии стала кандидатская диссертация «Клеры Херсонеса Таврического», защищенная в 1960 г. Станислав Францевич был прекрасным организатором, энергичным человеком. В полной мере все эти качества проявились в деле спасения музейных ценностей во время Великой Отечественной войны.

Сопровождающим и хранителем музейных ценностей сначала был назначен Р.Б. Ахмеров. Но он отказался по состоянию здоровья, опасаясь, что не сможет выполнить задание по доставке памятников и имущества Херсонеса в Свердловск. Тогда сопровождающим груз был назначен С.Ф. Стржелецкий. 14 сентября 1941 года ему выдали командировочное удостоверение с указанием, что он является ответственным хранителем исторических памятников и других научных материалов, эвакуируемых из г. Севастополя в г. Свердловск, и ему поручается Наркомпросом Крымской АССР сопровождать в пути следования древние исторические памятники как весьма ценный и уникальный научный груз.

Как мы помним, до назначения хранителем музейных ценностей, С.Ф.Стржелецкий собирался идти добровольцем в ряды Красной Армии или присоединиться к партизанскому отряду. Наталья Павловна Стржелецкая, невестка С.Ф. Стржелецкого и его единственная оставшаяся в Севастополе родственница, во время интервью предположила, что *«если бы Станислав Францевич остался и попал в партизанский отряд, мы бы, наверное, о нем сейчас не говорили»*¹. Она аргументировала это тем, что все партизаны, которых знал С.Ф. Стржелецкий и с которыми должен был быть в одном отряде, погибли во время войны.

К сентябрю 1941 года эвакуация из Севастополя была возможна только морем. Целых четыре дня музею пришлось ждать своей очереди на эвакуацию, так как кораблей не хватало, а ситуация в городе с каждым днем осложнялась. Ускорить процесс помог И.Д. Максименко. Он добился через штаб фронта, чтобы 18 сентября 1941 года музейное имущество погрузили на теплоход «Волга». Грузили ночью, в страшной спешке. Денег С.Ф. Стржелецкому выдали всего дней на 10-15, по словам Натальи Павловны Стржелецкой, *«никто и не думал, что все так затянется <...>, это же конец августа – начало сентября, вы не понимаете, какая была эйфория, все думали: “Ну, еще неделя, максимум две и все закончится”, - также полагал и Станислав Францевич»*. До Поти добирались три дня. Пока шли до кавказских берегов, Станислав Францевич с помощью судового плотника подремонтировал разбитые при погрузке монашеские сундуки, накрепко обмотал их веревкой.

После прибытия в Поти, херсонесские ценности были направлены в Тбилиси, затем - в Баку и Красноводск. И только глубокой осенью 1941 г. они прибыли к месту назначения в город Свердловск. Грузы находились в пути 105 дней. С.Ф. Стржелецкий в путевом

¹ Здесь и далее цитаты из интервью с Н.П. Стржелецкой приводятся по расшифровке аутентичной аудиозаписи этого интервью – В.Ш.

дневнике подробно описал все невзгоды этого путешествия, во время которого пришлось испытать голод и неоднократные бомбежки. Далее приведены основные этапы путешествия, составленные на основе путевого дневника и отчетов С.Ф. Стржелецкого [3; 4, л. 21].

Поти встретил проливным дождем, а ящики были брошены прямо на пристани. Отчаянные попытки Стржелецкого достать вагон окончились неудачей: порт был забит эвакуированным имуществом, людьми, которых надо было вывозить на восток. Спасение пришло неожиданно. Стржелецкому помог заместитель директора севастопольского завода, который сопровождал на «Волге» станки и оборудование завода. Он отдал С.Ф. Стржелецкому один «заводской вагон». Но возникли проблемы с железнодорожным начальством. Тогда С.Ф. Стржелецкому пришлось обратиться в Академию Наук Грузии, с помощью которой были улажены все проблемы (в том числе и денежные: Академией Наук ГССР были оплачены железнодорожные расходы Херсонесского музея в сумме 4500 рублей [4, л. 3]).

10 октября вагон наконец-то прицепили к эшелону, отправляющемуся в Баку. В Баку привычные хлопоты о выгрузке, следовании дальше. Привычные просьбы и уговоры: пришлось идти к уполномоченному ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР по эвакуации Петру Николаевичу Валуеву, и он устроил С.Ф. Стржелецкого с его «монашескими сундуками» на пароход, следовавший в Красноводск. Отплыли 20 ноября. Шел дождь со снегом. В Красноводске некому и некуда было выгружать ящики. Они мокли под дождем и снегом на палубе опустевшего парохода. И портовые работники требовали от угрюмого, заросшего бородой «гражданина в очках» немедленно их убрать *«хоть в море...»*. Помог местный сотрудник НКВД. Ящики с парохода сняли, на машине подбросили на станцию, затолкали в вагон. Станислав Францевич писал в своих путевых заметках: *«Морозы до -38! Единственное мое спасение как можно быстрее ехать...»*. Но теперь ехали действительно быстро, и 26 декабря 1941 года, после ста дней пути, прибыли в пункт назначения – Свердловск [4, л. 15]. Здесь тоже не обошлось без трудностей, сложностей и хлопот. Опять-таки помогли хорошие люди. Директор Свердловского краеведческого музея Антонина Петровна Курбатова на первых порах приютила херсонесские ящики. К этому времени уже пришел ответ на один из запросов из Наркомпроса РСФСР о судьбе Херсонесского музея, и заведующий областным отделом народного образования Н.Ф. Хлесткий оказал содействие музею.

Он помог С.Ф.Стржелецкому получить единовременное пособие, теплую комнату, обувь и зачислил его в штат сотрудников краеведческого музея. Также Н.Ф. Хлесткий добился для музея отдельного помещения (бывшее фотоателье), что в городе, принявшем массу эвакуированных предприятий и учреждений, было неслыханной роскошью (г. Свердловск, улица К. Либкнехта, 49, Херсонесский музей) [4, л. 5, 51; 12 с. 64].

29 декабря 1941 года директор филиала Государственного Эрмитажа профессор Владимир Францевич Левинсон-Лессинг и зам. директора Эрмитажа Матье приняли на хранение 52 ящика с наиболее ценными экспонатами [4, л. 12]. А доцент Свердловского педагогического института, Евгений Георгиевич Суров, в свободное от работы время, взялся изучить состояние привезенных предметов и материалов. *«Он, – как отмечал Стржелецкий, – привлек к делу сохранности ценностей и своих студентов. Я его с полным правом могу считать херсонесским сотрудником, так много он сделал для музея»*. 29 января 1942 года приказом народного комиссара просвещения РСФСР В.П. Потемкина С.Ф. Стржелецкому была объявлена благодарность *«за исключительно добросовестное выполнение служебных обязанностей и проявленную им инициативу, энергию и настойчивость при эвакуации музейных ценностей»*. Его имя занесли в книгу Почета работников Наркомпроса. А 29 июля 1942 года он был даже награжден премией в 1000 р. [4, л. 62].

С.Ф. Стржелецкий вывез в Свердловск восемь тонн херсонесских экспонатов. Несмотря на это, значительная часть музейных ценностей все-таки оставалась в Херсонесе. Именно поэтому, проводя мероприятия по эвакуации фондов и архива, одновременно принимались меры по охране экспонатов, которые оставались в музее: толстым слоем земли засыпали мозаики, под хранение экспонатов оборудовали две большие античные цистерны.

После эвакуации фондов в Свердловск, большинство работников музея также эвакуировались в тыл или присоединились к ополчению. Хранителем фондов, архивов и зданий Херсонеса назначили Николая Зиновьевича Федорова, который проработал в музее более 40 лет. Из научных работников в музее остался только А.К. Тахтай.

Александр Кузьмич Тахтай родился 23 октября 1890 г. в г. Ромнах Полтавской губернии. После окончания реального училища работал библиотекарем. Любовь к книгам, к античной истории и знание классических языков облегчили ему поступление в 1911 г. на историко-филологический факультет Петербургского университета. Затем он перевелся в Петербургский археологический институт. После его окончания А.К. Тахтай работал переписчиком Полтавского губернского земского управления и исполнял обязанности внештатного практиканта природно-исторического музея.

Во время Первой мировой войны служил в армии, а после Октябрьской революции был призван в Красную Армию. Демобилизовавшись в 1918-1919 гг., читал курсы общеобразовательных и музыкальных лекций. В апреле-мае 1920 г., окончив курсы библиотечных работников, направлен заведующим Мыкильской сельской библиотекой Полтавского уезда. С апреля 1921 г. работает в Полтавском губернском комитете охраны памятников искусства, старины и природы инструктором, а затем – временно исполняющим обязанности председателя комитета до сокращения этой должности в 1922 г. [10, с. 8-9].

После этого А.К. Тахтай работал на разных должностях в Полтаве, принимал участие в археологических разведках и раскопках на Полтавщине. С октября 1925 г. он был переведен в археологический отдел Полтавского музея инструктором по охране культурных ценностей и до лета 1929 г. исполнял обязанности хранителя музейного собрания. 1929 год, год «великого перелома», стал для А.К. Тахтая тоже переломным [10, с. 11]. Он был обвинен в антисоветской агитации, арестован, но за недостаточностью доказательств освобожден 26 июля 1930 г. О возвращении в музей не могло быть и речи, и А.К. Тахтай уехал на строительство Днепрогэса, где по ходатайству директора Полтавского музея М.Я. Рудинского стал сотрудником Днепрогэсской археологической экспедиции Наркомата образования УССР и работал под руководством Д.И. Яворницкого. Осенью 1930 г. А.К. Тахтай был назначен заведующим отделом археологии Херсонского краеведческого музея. В 1931-1932 гг. активно занимался археологическим изучением Херсонщины. 20 марта 1934 г., по надуманному обвинению, А.К. Тахтай вновь арестован, но 4 июня 1934 г. производство его дела было прекращено. После освобождения краткий отрезок времени А.К. Тахтай работал в Цурюпинском музее.

Особенно плодотворно и широко музейная и исследовательская деятельность А.К. Тахтая развернулась в Херсонесском историко-археологическом музее, куда он перешел работать в 1935 году заведующим отделом феодализма. Здесь А.К. Тахтай подготовил экспозицию отдела феодализма и путеводитель по залам средневекового отдела. Но в 1936 году у А.К. Тахтая вновь возникли проблемы с властями: 30 июля 1936 г. в севастопольской газете «Маяк коммуны» была напечатана статья, обличающая А.К. Тахтая в немарксистском подходе к трактовке данных археологического материала. В ответ на это исследователь подвергся «проработке», «учел» критику, и в подготовленный путеводитель включил цитаты из «Истории ВКП (б)» [10, с. 27].

А.К. Тахтай занимался не только экспозицией средневекового отдела. Не оставив своей увлеченности памятниками первобытной культуры, он исследовал раннетаврское поселение близ Балаклавы, занимался раскопками на северном берегу Севастопольской бухты, в 1937 г. исследовал небольшой участок некрополя к северо-востоку от башни XVII (Зенона). С 1939 по первую половину 1941 гг. А.К. Тахтай изучал культурные напластования Херсонеса и его некрополя, работал со студентами-практикантами из различных вузов страны. В 1940 г. в печати появился ряд его научных статей.

Когда готовилась эвакуация экспонатов, И.Д. Максименко, предложил А.К. Тахтая выехать в эвакуацию, но тот, ссылаясь на болезнь жены и преклонный возраст, отказался. Тогда он сказал И.Д. Максименко фразу, которая описывает его дальнейшую судьбу: «В каждом аду должен быть свой Цербер, и я останусь таким цербером у этих святых камней» [10, с. 31].

После своего отъезда, И.Д. Максименко из Свердловска регулярно посылал А.К. Тахтаю письма, в которых спрашивался о состоянии дел в Херсонесе, и предлагал незамедлительную помощь: *«По всем вопросам, связанными с жизнью Херсонеса – его сохранности, состояния городища, памятников, фондов и проч., в этом роде необходимо ставить в известность немедленно, чтобы я мог предпринять соответственные мероприятия в НКП РСФСР, откомандировать к вам С.Ф. Стржелецкого или даже в случае необходимости приехать самому»* [4, л. 3].

Во время обороны Севастополя на территории Херсонеса находились две прожекторные установки 61 зенитно-артиллерийского полка, но боевых действий не велось. Несмотря на обстрелы и бомбежку, А.К. Тахтай и Н.З. Федоров регулярно осматривали раскопы и фиксировали находки на территории городища. Кроме того, они закопали в землю, чтобы уберечь от расхищения и вражеских снарядов, множество музейных ценностей. А.К. Тахтай в течение всей обороны читал лекции в госпиталях, исследовал склеп с материалами позднеантичного периода.

Но Севастополь был взят. Впоследствии А.К. Тахтай в докладной записке писал: *«5-го июля 1942 года моя жена... была выброшена немцами из нашей быв. квартиры в Севастополе в 2 часа, получив разрешение взять с собой самое необходимое. Моя избранная библиотечка, неопубликованные рукописи, в частности отчеты о «военно-археологических» раскопках в Херсонесе времени осады, наиболее ценные находки этого времени, <...> остались на квартире и исчезли бесследно. 6-го июля в Херсонес прибыла «комиссия археологов» крымского айнзацштаба и наложила свои «конфискационные» листки на музейные корпуса и собор. Ключ от средневекового отдела был вручен командиру в/ч, занявшей Херсонес, адъютантом которого был Ламздорф (сын быв. русского министра иностранных дел), очищавший мою квартиру для себя, большой любитель древностей, коллекционер ...»* [2, л. 61].

Как говорится, дальше хуже. Николая Зиновьевича Федорова, как и многих других оставшихся севастопольцев, убили, а А.К. Тахтай был заключен фашистами в концлагерь.

А.К. Тахтая вскоре выпустили, чтобы работал в открытом немцами и для немцев Херсонесском музее. Он был назначен немецким военным командованием профессором-смотрителем Херсонесского музея, ведь фашистам нужны были настоящие знатоки Херсонеса, а специалиста такого уровня, каким являлся А.К. Тахтай, им найти не удалось. Гитлеровцы хотели вывезти в Германию ценнейшие экспонаты, и среди них – плиту с грифоном II века до нашей эры и мраморную капитель колонны IV века до нашей эры с изображением аканфа. Даже ящики приготовили с пышной готической надписью: *«Покорителю Крыма фельдмаршалу барону фон Манштейну»*.

А.К. Тахтай всячески способствовал сохранению музейных ценностей и, в частности, предотвратил вывоз плиты с грифоном, всячески оттягивая срок ее отправления. Он проводил для немецких солдат и офицеров экскурсии по городищу, что, как и его знание немецкого языка, помогло сохранить памятники от разграбления [16]. Как написал А.К. Тахтай: *«...Экспозиция музея существовала и существует в усеченном и, так сказать «кунсткамеризованном» виде. При немцах музей работал, как и все прочие Крымские, на особых началах /запретная зона/... 27.VI.1944 г. А. Тахтай»* [6, л. 54-63].

Кроме того, А.К. Тахтай укрыл в земле мозаичный пол греческой бани II века до нашей эры – выдающийся памятник искусства античного мира, и не открыл этого места фашистам. В мире сохранилось только 4 подобных произведений искусства. В октябре 1943 г. в Северо-Восточном районе городища, в 30 м от апсиды «базилики Крузе», А.К. Тахтай раскопал часовню, которую датировал XII-XIII вв.

После освобождения Севастополя 9 мая 1944 г., работа Херсонесского музея начала постепенно восстанавливаться: сотрудники наводили порядок на городище, где все еще валялась сожженная немецкая техника, подсчитывали ущерб, ремонтировали поврежденные снарядами музейные здания.

Сразу после окончания войны, все экспонаты были возвращены в Херсонес, а С.Ф. Стржелецкий был назначен на должность заместителя директора Херсонесского музея. Станислав Францевич более 30 лет проработал в Херсонесском музее. Это был талантливый

вый археолог, неравнодушный, активный человек, увлекавший своей энергией и любовью к археологии молодых сотрудников.

Что касается А.К. Тахтая, то многие его заслуги были оценены по достоинству, но, к сожалению, как впоследствии выяснилось, что оценили их не все. Ольга Бергольц, побывавшая в Севастополе в 1944 году через четыре месяца после освобождения, на всю страну сообщила: «Под ежеминутной угрозой ареста, лагеря, смерти Тахтай берег и хранил музей. Почти чудом удалось Александру Кузьмичу спасти драгоценные мраморы...» [7, с. 27]. А в 1948 году В. Шевченко выпустил о А.К. Тахтае небольшую книгу «Сокровища исчезнувших городов» [21]. За А.К. Тахтаем даже закрепилось прозвище «спаситель Херсонеса» [11].

Органы государственной безопасности также не беспокоили А.К. Тахтая в связи с его активной деятельностью в оккупированном Севастополе. Он работал, приводил в порядок материалы, накопленные за годы войны, и готовился начать работу над кандидатской диссертацией на тему: «Культурно-этническая общность Крыма и Нижнего Поднепровья в доскифскую эпоху» [10, с. 46-47].

Но ситуация в стране менялась. В конце 40-х гг. она во многом определялась «борьбой с безродным космополитизмом»: по сути, в рамках этой программы лица, не удовлетворенные чьей-то славой, пользовались ситуацией. Так случилось и в Херсонесском музее. Ведь слава «спасителя Херсонеса» принадлежала только А.К. Тахтаю, а о других музейных работниках никто не вспоминал. Доказательством этого является тот факт, что об эпопее перевозки музейных ценностей в г. Свердловск общественность узнала только через 20 лет после этих событий.

Кроме того, некоторые музейные работники, в частности С.Ф. Стржелецкий, вообще считали А.К. Тахтая предателем. По свидетельству Натальи Павловны Стржелецкой, Станислав Францевич полагал, что *«нельзя было проводить раскопки Херсонеса»*. Фактически, Станислав Францевич посчитал действия А.К. Тахтая неправомерными, и эту точку зрения поддерживали многие члены музея. Да и приписывание славы только А.К. Тахтаю *«того же Стржелецкого могло задеть, ведь все-таки в душе он был патриотом, коммунистом если хотите...»*.

В связи с этим, в январе 1949 г. С.Ф. Стржелецкий написал статью «Под крылом безответственных товарищей из Лениздата», в которой обвинил В. Шевченко, автора «Сокровищ исчезнувших городов», в неправдивом освещении эвакуации Херсонесского музея и ошибочном приписывании А.К. Тахтаю славы спасителя Херсонеса во время оккупации.

В мае 1949 года А.К. Тахтай уволен с работы, а почти все коллеги высказали мнение о «недостойном его поведении в годы войны». 27 августа 1949 г. его арестовали [20, с. 203]. После недолгого следствия и суда, на котором свидетелями обвинения выступили И.Д. Максименко и С.Ф. Стржелецкий, 11 ноября 1949 года судебная коллегия по уголовным делам Крымского суда осудила А.К. Тахтая на 25 лет исправительно-трудовых работ по страшным статьям 58-3 и 58-10 УК РСФСР (измена Родине) *«с последующим поражением прав»* [10, с. 47-51]. А ведь тогда Александру Кузьмичу уже было 65 лет.

Заключение А.К. Тахтай отбывал в Угличском лагере.

По мнению автора, обвинения С.Ф. Стржелецкого и поддержавших его сотрудников музея против А.К. Тахтая, не отвечали сложившейся во время войны обстановке. Ведь Николай Зиновьевич Федоров был убит немцами и, соответственно, откажись А.К. Тахтай стать профессором-смотрителем Херсонесского музея при фашистах, его могла ожидать та же участь. Находящиеся в оккупации советские люди работали на немцев не потому, что им этого хотелось, а потому, что у них не было выбора. Да и не известно, что бы было с музеем и его экспонатами, откажись А.К. Тахтай руководить музеем. Наверное, ни С.Ф. Стржелецкий, ни И.Д. Максименко не могли понять А.К. Тахтая потому, что во время войны они не были в оккупации и, скорее всего, не понимали тех условий, в которые был поставлен А.К. Тахтай. А он, по сути, постоянно находился под дулом фашистского пистолета.

29 октября 1955 г. А.К. Тахтай был амнистирован, а с весны 1956 г. начал работать археологом в Донецком краеведческом музее и заниматься изучением археологических памятников Донецкого края. Читал лекции в Донецком университете. Скончался он 25

июля 1963 г. и похоронен в г. Донецке, вдали от любимого Херсонеса, которому отдал лучшие годы своей жизни. Долгое время об А.К. Тахтае вспоминали только как о предателе, и лишь в последнее время, после открытия архивов, общественность может анализировать произошедшее и делать на основании этого выводы.

Именно в Херсонесе А.К. Тахтай смог полностью оценить обаяние античной культуры и памятников. Здесь наиболее ярко проявился его научный и организаторский талант ученого. И именно в Херсонесе его обвинили в предательстве Родины.

Как писал об А.К. Тахтае 30 ноября 1965 г. П.Н. Шульц в письме Е.Н. Жеребцову: *«Я уважал, любил и ценил покойного и до сих пор уверен, что он человек чистой совести. Потуги изобразить Александра Кузьмича чуть ли не предателем мне кажутся искусственными и грязными. С его обликом это не вяжется»* [22].

Таким образом, на долю музеев Севастополя в годы войны выпали суровые испытания. Урон, причиненный историко-культурному наследию, мог бы быть значительнее, если бы не мужество, самоотверженность музейных работников и простых горожан, которые оберегали бесценные сокровища от нацистов, оберегали, как могли в сложившихся обстоятельствах.

Источники и литература.

1. Андросов С. А. Музеи Крыма в годы Великой Отечественной войны // Историческое наследие Крыма. - 2004. № 6–7. С. 171–179.
2. Архив Национального заповедника «Херсонес Таврический» (далее – Архив НЗХТ. Д. № 881 .
3. Архив НЗХТ. Д. № 460.
4. Архив НЗ ХТ. Д. № 478.
5. Архив НЗХТ. Д. № 3642/1.
6. Архив НЗХТ. Докладная № 881.
7. Берггольц О. Дневные звезды. Говорит Ленинград. Статьи. Л.: Худож. лит., 1985. 256 с.
8. Государственный архив в Автономной Республике Крым (далее – ГА АРК). Ф. Р-4165, оп. 2, д. 10.
9. ГА АРК. Ф. Р. 219, оп. 1, д. 1835.
10. Граб В.И, Супруненко А.Б. Археолог Александр Тахтай. Полтава 1991, 79 с.
11. Дианова Т.В., Красовская Н.В. Херсонесский музей глазами посетителей // Археология. 2009. № 1.
12. Зубарь В.М. Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округа. Симферополь: 2009, 491 с.
13. Книги отзывов ГХМ с 1945 по 1952 г. // Архив НЗХТ. Д. № 627.
14. Пересунько Ю. Забытый гул погибших городов // Вокруг света. 1978. № 1(2628).
15. Постановление ЦК ВКП (б) и Совета Народных комиссаров СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов» 27 июня 1941 [Электронный ресурс] // "Известия ЦК КПСС". 1990. № 6. Документы июня 1941. Режим доступа: <http://zhistory.org.ua/izkps641.htm>
16. Романчук А.И. Херсонесский заповедник в годы Великой Отечественной войны и истории Урала [Электронный ресурс] // Режим доступа: hist.usu.ru/dais/articles/5/Romanchuk.doc
17. Севастопольский аквариум-музей [Электронный ресурс] // Сайт Севастопольского аквариума-музея. Режим доступа: <http://www.sevaquarium.com/aquarium/museum.html>
18. Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков: Майдан, 2000. 828 с.
19. Тахтай А.К. Два клада античных херсонесских монет 1944 года // Херсонесский сборник. 1948. Вып 4. С. 113-125.
20. Формозов А.А. Русские археологи и политические репрессии 1920-1940-х гг. [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.ihst.ru/projects/sohist/papers/archeology/1998/3/191-206.pdf
21. Шевченко В. Сокровища исчезнувших городов. Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное изд-во, 1948. 76 с.
22. Шульц П.Н. А.К. Тахтай (некролог) // Советская археология. 1964. № 4.